

Утро, проведенное вместе после четырех дней разлуки. Жасминовый аромат, смешиваясь с насыщенным запахом агарового дерева, переполнял всю спальню, лишь к полудню начиная постепенно рассеиваться. Распылив очиститель феромонов, Цзян Шаочжи распахнул окно, выпуская уличный ветер. Усталый и томный Тун Цинхэ, уже после душа, лежал в мягком одеяле. Его ресницы, влажные от росы, слегка подрагивали при моргании.

Куда бы ни пошел Цзян Шаочжи, взгляд Тун Цинхэ следовал за ним. Сонливость накатывала волнами, веки опускались понемногу. Когда Цзян Шаочжи обернулся снова, Тун Цинхэ уже зарылся нижней половиной лица в чистое одеяло, его ноздри слегка трепетали, а дыхание стало ровным, погружаясь в сон.

Цзян Шаочжи редко позволял себе такую расслабленность, да и не позволял себе находиться в расслабленном состоянии.

Тун Цинхэ был его единственной слабостью, сплетенный с ним плотью и кровью, связанный самой глубокой привязанностью.

Он подошел к кровати, приложил ладонь ко лбу Тун Цинхэ, чтобы проверить температуру. Убедившись, что жара нет, он повернулся и спустился вниз, чтобы попросить у тетушки миску теплой лечебной каши.

Телосложение Тун Цинхэ, в конце концов, было не таким крепким, как у Цзян Шаочжи. Сталкиваясь с напором Цзян Шаочжи, он каждый раз неотвратимо поддавался, и мог полагаться лишь на ежедневное диетическое питание для укрепления своего организма. В итоге, после удовлетворения некоторых потребностей Цзян Шаочжи, отдохнуть требовалось только ему самому.

Так происходило каждый раз, когда Тун Цинхэ и Цзян Шаочжи встречались после разлуки. В такие моменты тетушка была особенно деликатна и понимала намеки: в первые три дня после возвращения Цзян Шаочжи она не поднималась вверх. Убираться и наводить чистоту она приходила только спустя три дня.

Тетушка наложила заранее приготовленную кашу на поднос и подала Цзян Шаочжи. Увидев, как он поворачивается и идет вверх, она прикрыла рот рукой, улыбаясь, и позавидовала тому, что чувства двух хозяев дома такие же глубокие, как и прежде: что бы ни случилось и сколько бы времени ни прошло, их нельзя разлучить.

— Тун-Тун, — Цзян Шаочжи поцеловал сомкнутые веки Тун Цинхэ, приобнял его, чтобы он мог опереться, и поднес ложку к его губам. — Сначала поешь немного, а потом снова спи.

Тун Цинхэ сонно глотал. Что Цзян Шаочжи давал, то он и ел. Когда он ел сам, он слегка подтолкнул ложку к губам Цзян Шаочжи, пробормотав:

— Ты тоже поешь.

Чего бы хорошеее у него ни было, он не забывал поделиться с Цзян Шаочжи, только надеясь, что тот проявит немного больше живых эмоций.

Съев полмиски каши, Тун Цинхэ больше не мог есть. Он не был придирчив к еде, обычно ел то, что готовила тетушка, и Тун Цинхэ думал, что если бы Цзян Шаочжи кормил его даже ядом, он бы, вероятно, тоже его съел без вопросов.

Сейчас он держался за живот, сморщив лицо, и сказал Цзян Шаочжи:

— Немного тошнит и мутит, можно я поем, когда проснусь?

Тун Цинхэ подольстиво потерся о плечо Цзян Шаочжи. Цзян Шаочжи поцеловал его в губы, снова положил в постель и заправил одеяло по углам.

— Я займусь кое-чем. Если проснешься, а меня не будет, приходи искать меня в кабинет.

Помимо его доверенных подчиненных, только Тун Цинхэ имел право свободного входа и выхода из кабинета Цзян Шаочжи.

Он ответил хрипло, слабо убрал руки с талии Цзян Шаочжи и снова погрузился в темный сон.

Тун Цинхэ проспал весь день. Первое, что он сделал, проснувшись, — это поискал Цзян Шаочжи. Спальня и гостиная внизу были пусты. Цзян Шаочжи, как и ожидалось, все еще работал в кабинете.

Он постоял на месте, немного задумавшись, потом зашел в сад, чтобы помочь тетушке подстричь цветы и травы, а затем отправился с ней на кухню готовить ужин. В поясице ныло и болело, он не мог долго стоять, поэтому Тун Цинхэ отправился в кабинет, чтобы позвать Цзян Шаочжи ужинать.

В кабинете было темно, высокая, внушительная фигура погружена в сероватые сумерки. Дыхание Тун Цинхэ слегка сбилось. Он подошел, потянул Цзян Шаочжи за одежду и сделал жест, означающий "есть", намекая, чтобы тот спустился вниз.

Причина, по которой Тун Цинхэ не заговорил сразу, заключалась в одном неловком моменте. В тот день Цзян Шаочжи проводил видеоконференцию, а Тун Цинхэ, не зная об этом, вошел в комнату, чтобы найти его. В какой-то момент, шая, он ласково-тягучим голосом позвал Цзян Шаочжи "Папочкой". С другой стороны экрана раздались голоса, которые смеясь спросили Цзян Шаочжи, как выглядит его сын и почему он не покажет его им.

После того зова Тун Цинхэ почувствовал беспрецедентный стыд, даже через экран, и ему хотелось немедленно провалиться сквозь землю. А Цзян Шаочжи, чье выражение лица не менялось тысячу лет, в присутствии своих самых способных подчиненных редкостно потерял

толику своей невозмутимости.

Тун Цинхэ усвоил тот урок и теперь каждый раз, когда заходил в кабинет к Цзян Шаочжи, молчал, боясь произнести что-то лишнее в неподходящей обстановке.

Цзян Шаочжи повернулся, слегка ущипнул его за щеку и, сказав пару слов, отключил видеосвязь. Он взял Тун Цинхэ за руку:

— Проснулся. Тебя что-нибудь беспокоит?

— Нет, просто проголодался.

Тетушка приготовила стол, полный блюд, подходящих их вкусам. В основном, что нравилось Тун Цинхэ, то ел и Цзян Шаочжи. Он не был придирчив и поручил тетушке готовить блюда, которые нравились Тун Цинхэ.

Блюда, которые он любил раньше, сегодня, попав в рот Тун Цинхэ, казалось, изменили вкус. Он слегка нахмурился, попробовал еще кусочек, затем резко прикрыл рот и бросился в ванную.

Тун Цинхэ нагнулся над унитазом, давился, но ничего не выходило. Глядя на Альфу, который тут же последовал за ним, он сказал:

— Немного тошнит.

Только что он ел рыбу с морепродуктами; запах был чистым, и Тун Цинхэ ел это блюдо не в первый раз. Цзян Шаочжи тоже ел, он был уверен, что рыба чистая.

Он поднял Тун Цинхэ и понес к дивану. Ничего не говоря, он задумчиво посмотрел на него.

— Позову врача для обследования.

Отговорка Тун Цинхэ с тошнотой не сработала, он постоянно отказывался и с огорченным видом сказал:

— Не хочу к врачу! Я проходил осмотр всего три месяца назад, и отчет показал, что я очень здоров.

Стоило здоровью Тун Цинхэ дать малейший сбой, Цзян Шаочжи каждый раз требовал, чтобы врач его осмотрел. Так было из года в год, изо дня в день. Тун Цинхэ считал, что основная причина, по которой он не может вырасти, в этом: Цзян Шаочжи слишком его баловал. Даже стекло не было таким хрупким, как он.

— Дядя, — Тун Цинхэ начал умолять, пытаясь понравиться. — Не надо врача. Через два месяца у меня все равно обследование.

Тун Цинхэ проходил обследование дважды в год. Он не любил ходить в больницу, поэтому Цзян Шаочжи просто приглашал военного врача. Из-за частых визитов Тун Цинхэ стал немного противиться появлению врачей.

Цзян Шаочжи погладил его по волосам, его отношение было недвусмысленным: он отнес его в спальню и тут же попросил тетушку вызвать врача на дом.

— Дядя! — Тун Цинхэ поспешно встал и повис на Цзян Шаочжи сзади, как коала, без конца дыша ему в ухо. — Я не хочу к врачу.

Цзян Шаочжи, не меняя позы, перевернул его и прижал к себе. Он прищурился: обычно послушный Омега, он осмелился использовать даже чары.

Скрытый смысл во взгляде Альфы заставил Тун Цинхэ со страхом втянуть шею. Единственное, чем он мог управлять в отношениях с Цзян Шаочжи, был он сам, и он мог использовать себя только как орудие соблазна.

Он был жирным, сочным куском мяса, который Цзян Шаочжи, даже пережевывая до мягкости, все равно считал вкусным.

Тун Цинхэ прищурил глаза, избегая взгляда Цзян Шаочжи, и глухо произнес:

— Не надо врача. Съешь меня...

Тун Цинхэ действительно вел себя легкомысленно. Желания, которые Цзян Шаочжи с трудом сдерживал силой воли с самого утра, вырвались наружу. Бурлящие волны в его глазах могли утопить Тун Цинхэ насмерть.

Цзян Шаочжи любил его и сдерживался. Даже обычные требования были слишком велики для Тун Цинхэ. Если бы он дал волю себе, Цзян Шаочжи не осмелился бы прикоснуться к нему, зная, что ему потребуется неделя на восстановление.

Но Тун Цинхэ, вот так, полностью открывался и говорил ему такие вещи.

— Что за глупости ты говоришь, — строго, но с нотками снисхождения, сказал Цзян Шаочжи.

Тун Цинхэ улыбнулся, притянул пальцем каплю пота со лба Цзян Шаочжи и попробовал ее. Легкая солоноватая влажность с примесью аромата агарового дерева.

— Дядя, может, не надо врача? — Он послушно заискивал, но его руки и ноги не соответствовали его словам, делая озорные, легкомысленные движения. — Ты сам посмотри, ты сам меня обследуешь.

Дыхание, витающее у его уха, было сладким и чистым. Цзян Шаочжи протянул руку, закрыл глаза Тун Цинхэ, подцепил свисающую ленту от штор на окне в пол и начал медленно обматывать ее вокруг глаз Тун Цинхэ.

Если он не видит искреннего, невинного соблазна в этих глазах, Цзян Шаочжи не нужно так сильно сдерживаться.

В качестве награды он слегка коснулся уголка рта Тун Цинхэ, открывая путь к источнику жара:

— Мой послушный малыш.

На щеках Тун Цинхэ явно проступил румянец. Аромат агарового дерева вторгался, и вся его сила воли рухнула и распалась под воздействием рассеивающихся феромонов.

Тетушка снова не поднималась наверх три дня. По приказу Генерала она взяла отпуск для Тун Цинхэ на работе, сходила на Звездный рынок за свежими продуктами, зашла в аптеку за травами, чтобы каждый день готовить лечебные блюда, но не одни и те же.

Только после недели хорошего ухода Цзян Шаочжи разрешил Тун Цинхэ выйти из дома.

— Дядя, ты закончил с делами того дня? — Собирая рабочие материалы, Тун Цинхэ чувствовал себя виноватым за то, что принял подарки на том банкете, хотя и сделал это вынужденно.

Цзян Шаочжи спокойно ответил:

— Отказывайся от всех этих банкетов в будущем. Если не сможешь отказаться, найди Лао Чэня и поручи ему разобраться.

Лао Чэнь был водителем в доме, и последние несколько лет он отвечал за подвозки Тун Цинхэ.

Цзян Шаочжи знал, что некоторые люди посылали подарки Тун Цинхэ с целью выйти на контакт с ним. После частичного ухода из армии Цзян Шаочжи сосредоточил свое внимание на Главном управлении Звездного таможенного контроля, что затронуло интересы некоторых людей. Кое-что застряло в его руках, и некоторые не могли дождаться.

В последние годы космические пираты стали необычайно активны, в некоторых местах появились сговоры между чиновниками и бандитами, которые вводили грязные сделки,

перенаправляя их в другие звездные регионы. Эти сделки приносили быстрые деньги, а объемы были настолько велики, что некоторые люди не могли сдержаться.

Цзян Шаочжи, пришедший с поля боя, обладал железной хваткой. У него не было пересекающихся интересов ни с кем из этих кругов, и раньше он держался в тени, но теперь, вступая в эту деятельность в другом статусе, он был идеальным кандидатом для этой задачи по зачистке.

Цзян Шаочжи не беспокоился о том, кого он может обидеть, и не боялся, что кто-то посмеет обидеть его. В глазах посторонних, этот Генерал был неподкупным, и встречу с ним нельзя было организовать. Не сумев пробить путь через Цзян Шаочжи, они полностью переключили внимание на Тун Цинхэ.

— Дядя, я не умею справляться с такими делами. Я доставил тебе хлопот.

Цзян Шаочжи обнял его за затылок, поглаживая по волосам:

— Это не имеет к тебе отношения. Все они ищут меня.

Доставив Тун Цинхэ в научно-исследовательский институт, Цзян Шаочжи отправился на подготовку к следующей встрече.

Возвращение человека, который отсутствовал почти неделю, вызвало у коллег довольно красноречивые взгляды. Тун Цинхэ покраснел, взял свои материалы и проскользнул в Библиотеку древних книг, погрузившись в незаконченную работу.

В полдень он получил сообщение от Цзян Шаочжи, что у него еще намечено совещание. Тун Цинхэ привел в порядок документы и пошел в столовую с несколькими младшими коллегами.

Рыба, которую ему подали, заставила Тун Цинхэ несколько раз моргнуть. Это было его любимое блюдо, но сегодня он не мог его съесть, как бы ни нюхал.

Он подвинул свою тарелку соседнему младшему коллеге. Горло немного жгло, вызывая тошноту, и в животе чувствовалась легкая боль. Прошла уже неделя, но Тун Цинхэ не ожидал, что проблема с аппетитом так и не решится.

Он извинился перед младшими коллегами и сам отправился в медпункт за лекарствами от желудка, мимоходом сообщив врачу о своем непостоянном состоянии.

Рука доктора, выписывавшего рецепт, замерла. Он спросил его:

— Когда у вас был последний половой акт?

Уши Тун Цинхэ загорелись. Он пробормотал:

— Это как-то связано?

Молодой врач пожал плечами, повернулся, открыл один из аптечных ящичков и протянул ему:

— Идите и сделайте тест.

Когда Тун Цинхэ вышел, держа в руках тест на беременность, его лицо было мертвенно бледным.

— Доктор, я... у меня это...

Врач сказал ему:

— Учитывая ваши симптомы, это не вызвано проблемами с желудком. Вам следует обратиться в отделение дородового обследования.

Напоследок врач доброжелательно предупредил:

— Пока беременность не стабилизируется, будьте осторожны и избегайте чрезмерной физической активности со своим Альфой.

Тун Цинхэ подумал о прошлой неделе, и у него потемнело в глазах.

<http://bllate.org/book/4/166>